

— Я не знаю, я не знаю, кто они... — он внезапно разрыдался, слёзы смешались с рубцами на его лице, создавая жалкое зрелище. — Гуйжань... ты отдал свою жизнь, чтобы спасти меня, но этот инвалид, которого ты вернул, стал марионеткой в руках тех, кто сеет хаос в мире...

— Почтенный! Почтенный!

Значит, настоящей жертвой был Шэнь Гуйжань, глава семьи Шэнь, а не Лэй Шао? Жизнь за жизнь... Его каналы энергии были разрушены, и обычными методами его невозможно было спасти, если только... Цин Лань внезапно напряглась, словно что-то поняла.

Она резко подошла к Лэй Шао и, схватив его за руку, с нетерпением спросила:

— Гу Тонкого Бамбука! Вы были на Южной границе? Кто дал вам гу?

К её удивлению, он постепенно успокоился, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Гу Тонкого Бамбука... что это такое? — Линь Чжии подошла и осторожно отвела её в сторону. — Это с Южной границы?

Но Цин Лань лишь отпустила его руку, и в её опущенных глазах не было видно эмоций.

Вместо неё заговорил Лэй Шао, его голос был хриплым.

— Это тайное искусство Южной границы... оно может вернуть к жизни даже того, кто уже на пороге смерти... — он прикрыл лицо рукой. — Но цена — жизнь. Тот, кто принимает гу, должен быть в сознании, пока его тело пожирается насекомыми, пока не иссякнут все силы.

— Но твой гу был неполным. — Цин Лань внезапно прервала его, её глаза, похожие на кристаллы, пристально смотрели на него, словно пытаясь что-то увидеть. — Гу Тонкого Бамбука даёт новое тело, и исцелённый становится сильным и здоровым, а не таким, как ты сейчас.

— Что же произошло тогда?

На улице по-прежнему светило солнце, но даже его тепло не могло развеять холод, охвативший их после рассказа Лэй Шао.

Те старые слухи были полуправдой. Действительно, Зал Пили был уничтожен врагами, но колебания Шэнь Гуйжана и импульсивность Лэй Шао были лишь домыслами потомков.

Он не был глупцом. Даже в пылу гнева после уничтожения своего клана он понимал, что в

одиночку не сможет противостоять врагам. Семья Шэнь была знаменита в мире боевых искусств, и Шэнь Гуйжань, как глава семьи, не мог действовать опрометчиво, не выяснив всех обстоятельств. Иначе это могло бы повлиять на весь клан, и он не мог позволить себе такой риск.

Лэй Шао понимал его мысли, знал его беспомощность и решил пока просто наблюдать.

Но первыми нарушили это хрупкое равновесие его враги.

Они прислали письмо — вызов на бой, но также и угрозу.

Оставшиеся в живых женщины и дети из Зала Пили были в их руках, и под угрозой оказался и рецепт огнестрельного оружия. Они требовали, чтобы Лэй Шао встретился с ними на Утесе Ветра и Дождя за пределами Гусу. Если он победит, они отпустят женщин и детей, вернут украденное оружие. Если проиграет — либо умрёт, либо публично объявит, что Зал Пили подчиняется им и добровольно отдаёт рецепт, а об уничтожении клана больше не будет речи.

Казалось, они дали выбор, но на самом деле, независимо от того, пойдёт он или нет, исход был predetermined.

Если пойдёт, его жизнь будет в опасности, и разве те, кто смог уничтожить целый клан за одну ночь, действительно сдержат слово? Если не пойдёт... возможно, он действительно сможет сохранить свою жизнь, но что будет с теми, кого держат в заложниках? После этого враги наверняка воспользуются этим, чтобы опозорить его, говоря, что последний хозяин Зала Пили — трус, недостойный наследия предков, и что рецепт должен перейти к более достойным.

По всем причинам он не мог не пойти.

Он понимал это, и Шэнь Гуйжань тоже.

Но мог ли он остановить его? Нет.

Пока он носил титул главы семьи Шэнь, он не мог безоглядно помогать своему другу.

Даже если бы он решился на это, он не смог бы преодолеть сопротивление старших в семье.

— Поэтому... мой дядя и отказался от титула главы семьи... — Шэнь Наньинь чуть не облилась холодным потом. — А что случилось потом? Бой...

— Ты победил, но они не сдержали слово, и Шэнь Гуйжань спас тебя, верно? — Линь Чжиин взяла её за руку, пытаясь успокоить. — Но я думаю... он тоже не смог бы увести тебя без последствий.

Даже самый сильный человек — всего лишь человек, и у каждого есть слабости. Вероятно, враги догадывались, что Шэнь Гуйжань не станет открыто втягивать всю семью в конфликт, но... они всё равно были настороже.

— Да... я хотел использовать последнее оружие, чтобы уничтожить этих негодяев, но он всё же пришёл. — Лэй Шао поднял голову, сжав рукой грудь. — Мои каналы энергии были разрушены, я должен был умереть. Ранения Гуйжаня были серьёзными, но у него ещё был шанс выжить. Но... как сказала эта девушка, жизнь за жизнь. Когда я очнулся, мне сказали, что Гуйжань...

Гу Тонкого Бамбука спас его жизнь, но обрёл на вечное чувство вины.

Из двух жизней можно было спасти только одну. Спасти себя или его — Шэнь Гуйжань выбрал последнее.

Но, вероятно, он не ожидал, что человек, которого он спас, из-за неполного гу станет инвалидом.

И, с разрушенными каналами энергии и потерянной силой, гу, даже если и спасло его, сократило его жизнь. Даже без этих событий он бы не прожил долго.

— Если бы он был жив, он бы не хотел видеть меня таким... это не стоило того, действительно не стоило... — он с горечью покачал головой и продолжил:

— Я не знаю, кто тогда дал Гуйжаню гу, и кто сейчас использует моё имя для злодеяний. С самого начала я был лишь игрушкой в их руках. А их истинная цель... девочка из семьи Шэнь, это ваша семья.

— ...Наша?

— Репутация семьи Шэнь построена на благородстве и справедливости, а Зал Пили пал, потому что в нём не осталось духа воина. Но что такое воин? Тот, кто помогает людям? Нет... нет... ты делаешь то, что выгодно им, и они называют тебя героем. Если семья Шэнь не сможет раскрыть правду, что подумают о вас люди? На юге Цзяннаня продолжают убийства, а знатная семья не может защитить их... со временем, нынешний баланс между севером и югом разрушится. — В его мутных глазах ещё можно было разглядеть тень того знаменитого наследника семьи Лэй, но годы сделали своё дело, и некогда полный сил юноша превратился в измождённого старика. — Даже самая крепкая дамба рухнет не сразу, и с вами будет то же самое. Это... лишь начало. Жаль только...

Он глубоко вздохнул и тихо добавил:

— Гуйжань спас меня, а теперь я стал первым, кто нанёс удар по семье Шэнь...

Шэнь Наньинь долго молчала, а затем сказала:

— Почтенный, я думаю, мой дядя не жалел о том, что спас вас. Он бы понял, что это не ваша воля.

Лэй Шао посмотрел на неё, вытер слёзы и, кажется, даже усмехнулся.

— Ты... чем-то напоминаешь его, не такая сдержанная, как твой отец. Ладно, я рассказал всё, что знаю... у вас ещё есть вопросы?

— Вы... знаете, что те, кто уничтожил ваш клан, были Мокэ Призрачными Служителями? — Цин Лань, стоявшая в стороне, вдруг прервала молчание. Её спина была прямой, как копье, а её светлые глаза, освещённые солнечным светом, казались холодными и безразличными.

Лэй Шао лишь покачал головой.

— Я слышал о них, но почему они убили тех негодяев... я не знаю. Зал Пили никогда не имел с ними дела, и их мотивы мне не понять.

Линь Чжию посмотрела на Цин Лань, державшую меч, и вздохнула.

— Ладно, мы уничтожили их логово, и это хотя бы временно остановило заговорщиков. В любом случае, я продолжу расследование. Спасибо, почтенный Лэй, за то, что рассказали нам о прошлом.

С этими словами она взяла Цин Лань за руку и вывела её из комнаты.

— ...Отпусти, что ты задумала?

— Эх, пусть она сама разберётся с делами семьи Шэнь. — Линь Чжию отвела её в угол. — Ты устроила эти засады в городе?

<http://bllate.org/book/15509/1377664>